

УДК 398.1+398.223+398.224+398.87+394.912

Н.А. Березиков, А.А. Люцидарская

ЗНАМЕНА СИБИРСКИХ КАЗАКОВ-ЗЕМЛЕПРОХОДЦЕВ

На документальном материале источников XVII в. исследуются воинские знамена сибирских казаков. Знаковые функции знамен играли значительную роль в системе ценностей землепроходцев Сибири. Символизируя высшую власть в государстве, знамена придавали законность любым действиям, осуществлявшимся под знаком этого атрибута воинской силы и царской власти. Акцентируется внимание на применении знамен в различных ситуациях, возникавших в ходе сложного процесса колонизации сибирского региона.

Ключевые слова: Сибирь, XVII в., казаки-землепроходцы, семантика, знамена.

Знамена относятся к числу древнейших воинских атрибутов, являясь знаковым символом духовной и воинской культуры. Такие значимые элементы материальной воинской принадлежности, как стяги, знамена, знаки отличия и т.п., составляют часть культуры этноса, вобравшей в себя и закодировавшей ее архаичные черты и смыслы. В данной статье анализируется сибирский материал по символике и функционированию знамен и определение их места в культуре населения России, осуществлявшего колонизацию Сибири в конце XVI – начале XVII в. Исследователями военной атрибутики русских собран и обработан большой массив фактического материала, сформированы музейные коллекции и составлены их описи, упорядочены документальные и иные упоминания о знаменах, на их основе написаны обобщающие работы. Имеются и исследования, посвященные семантике знамен [1–6]. Между тем историография знамен, функционировавших в Сибири изучаемого периода, очень скудна. Скупые упоминания о них содержатся в обобщающих трудах Л.П. Яковлева, А.В. Висковатова и Н.Г. Николаева [7–10]. Этими упоминаниями и ограничивался объем знаний о сибирских казачьих знаменах конца XVI – XVII в. Поэтому оправданным стало привлечение нового, более обширного фактического материала: документальных, в том числе архивных источников XVII в., сибирских летописей, сибирского казачьего фольклора, вещественных источников (в виде фотографий и зарисовок знамен).

В Сибири русские воинские знамена известны с конца XVI в., со времени похода легендарного Ермака. В летописных свидетельствах упоминаются одно большое (Ермаково) знамя, малые знамена и «прапорки» на каждую сотню казаков. Согласно преданиям и предположениям исследователей, среди сохранившихся к XIX в. знамен Ермаковой дружине принадлежали два иконографи-

ческих знамени (с изображением архангела Михаила и Спаса Нерукотворного) и два с геральдическими символами (белого льва и единорога) [11]. Вопрос о принадлежности данных знамен Ермаковой дружине спорен, но несомненно то, что они бытовали в Сибири в XVII в. В 1935 г. А.Л. Биркенгоф обнаружил в церкви села Абый и сфотографировал казачье знамя XVII в. [12. С. 128].

В Сибири знамена являлись неперенным и обязательным атрибутом военной и землепроходческой деятельности русских казаков. Об этом уверенно позволяют говорить описи имущества городов, острогов и зимовий. Знамена как атрибут царской власти часто фигурируют при описании боев и сражений. Они были отдельно «конного строя» и отдельно «пехотного строя, а по размерам – большие («боярские») и малые («казачьи»). Они изготавливались из кумача (бумажной ткани ярко-красного цвета), тафты (тонкой, глянцевитой, плотной шелковой ткани), камки (шелковой цветной ткани с узорами («разводами»)), китайки (плотной шелковой или хлопчатобумажной ткани, ввозившейся в Россию из Китая), атласа (плотной шелковой блестящей ткани с лоском). Сибирские знамена казаков-землепроходцев имели разветвленную символику функций. Знамена становились центральным объединительным атрибутом микромира сибирского казачества. Помимо прочего, знамя обеспечивало поддержание социального порядка и солидарности воинской корпорации. Безусловно, солидарность основывалась на действиях и чувствах конкретных индивидов, однако материальное воплощение солидарности выражалось в коллективных действиях с общезначимыми объектами. Знамя являлось объектом-символом, представлявшим группу и находившимся в центре актуальных действий [13. С. 335].

Казачьи знамена олицетворяли праведную власть, объединяли, соединяли и придавали

легитимность любым действиям тех, кто стоял под этим знаком. Вот показательный пример легитимизирующего свойства знамени. В 1631 г. от отряда воеводы Я. Тухачевского, бывшего в походе против енисейских кыргызов, откололась значительная часть казаков, недовольных затянувшейся экспедицией. Помимо оружия, боеприпасов и продовольствия, эти казаки забрали с собой знамена, барабаны и литавры. Будучи полностью уверены в собственной правоте, они заявили Тухачевскому: «Волочясь де ты за нами ж будешь!» [14. С. 105]. Таким образом, захват казаками знамени предполагал кардинально смену казачьей власти. В представлениях казаков знамя наделяло «войско» или просто бунтовскую ватагу казаков правом вершить суд, арестовывать человека в целях общественного спокойствия и безопасности, брать пленных и т.п. Знамя оправдывало применение насилия, вводило его в правовое русло. Так, в «распросных речах» о восстании казаков на Камчатке в 1711–1712 гг. один из участников событий признавался, что «...за виновность де служилых людей, которые де в чем приличались, своего полку каршами смиряли под знамены, и тем де свое войско утверждали, и заповеди де меж себя великие клали и приговоры де писали, что де друг друга ни в чем не выдавать и заедино бунтовать» [17. Т. 1. С. 488]. В челобитной жителей г. Иркутска и подгородных слобод и деревень об осаде города забайкальскими казаками 18 июля 1696 г. особо отмечалось использование знаковых символов осаждавшими: «Служилые люди, конные и пешие казаки и полковые стрельцы... приплыли из-за Байкала моря на дощанике челоуеках в двустах и больши с ружьем, з знамены, з барабаны, во всякой готовности, будто к воинскому делу» [19. С. 368–369]. Сопряжение воинского статуса и социально окрашенных инициатив характеризовало политические настроения казаков. Интегральным символом для этого служило в том числе и воинское знамя.

Землепроходцы, делая первые шаги по территории Сибири, по чуждой для них земле, старались интерпретировать пространство, «освятить» и возвести характерные для своей культуры священные знаковые ориентиры [20. С. 78]. Знамя было первым таким предметом, который проводил связь с небесными покровителями и необходимым православным осмыслением пространства. Оно, выступая маркером сакрального центра, помогало преобразовывать чужое пространство в свое. В отдаленных уголках Сибири в условиях преобладающего численно аборигенного окружения воинские знамена для русских играли этнодифферен-

цирующую и этноконсолидирующую роль. Подобно кресту на куполе церкви, развевающееся знамя олицетворяло русское присутствие и «столбило» место «на новых землях».

Семантика знамен в условиях «языческого» окружения автохтонного населения несла в себе, помимо знака силы, и некую миссионерскую направленность. Подготовка к походу в еще «необъясаченные» земли включала и обеспечение знаменами, наделяя отряд первопроходцев уверенностью в правоте любых своих действий. Невозможно было представить выход без знамен и прапоров, иначе он превращался в «воровскую выходку разбойников». Знамена плотно вплетались в структуру межэтнических коммуникаций. Они переходили из рук в руки, становились предметом добычи и обмена, включались в «ясачные» клятвы. Например, в одной из шертных записей середины XVII в. говорилось: «Яз братцкой мужик, имя рек, даю прямую свою шерть государю... своему царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси самодержцу... на том: По своей вере под солнцем и под землею и под огнем и под русскою саблею и под пищалью и под знамя быти мне Булюю и всем улусным людям под ево государевою царскою высокою рукою в вечном холопстве...» [16. С. 10]. В 1646 г. казаки из отряда В. Пояркова, приступив к одному из городков даур, «взяв с собою знамя... круг острожку ходили и осматривали, крепок ли острожек и приступить к нему можно ль». После этого кругового обхода со знаменем в руках казаки «почали тем даурским князцом говорить и в острожек к ним проситься...» [15. Т. 3. С. 54].

Символичность знамен, как правило, понимали обе противоборствующие стороны. Бывали случаи, когда захваченные противником знамена выступали предметом торга во время мирных переговоров. «И он де Еренак знамя и пушку и коней отгонных отдаст и ясак и аманатов добрых пришлет» — констатировали томский сын боярский Иван Петров и подьячий Андрей Поспелов в своей отписке 1679 г. [14. С. 167]. В 1683 г. русское посольство вновь договаривалось, «чтоб он, Еренячко, по прежнему своему договору и шерти отдал пушку, которая взята из Ачинского острогу, и знамя, которое взято на бою у Ивана Суворова, и пансыри, и ружье, и отгонные лошади» [14. С. 180]. Во время переговоров с калмыками и кыргызами о мире в августе и сентябре 1701 г. казачий десятник Роман Торгошин главным условием начала переговоров ставил возвращение воинского знамени, которое было взято енисейскими кыргызами «на бою»: «Такожде и они б кыргызы и

присланные из киргиз посланцы по своему выше-писанному договору учинили самую совершенную правду... а знамя и ружье, что взяли на бою, отдали» [17. Т. 1. С. 182].

Даже знамена «иноземцов» казаки рассматривали как символ суверенитета. Поднятое противником знамя воспринималось как вызов и подлежало захвату. Когда «князец Шандычко... откочевал в Канскую землю и великого государя указу учинился ослушен», то собирал своих воинов под собственным знаменем. Это знамя было впоследствии захвачено казаками вместе с оружием и пленными и стало предметом особой гордости в «сказке» казаков: «И они де служилые люди, видя такое воровство, учинили бой и тех воров побили, а жен их и детей поимали в полон, и знамя взяли» [17. Т. 1. С. 11–12]. Надо заметить, что родоплеменные объединения, стоящие на стадии развития военно-потестарных структур и разработавших в рамках своей культуры знаковые маркеры, гораздо адекватнее воспринимали смысл казачьих знамен. На военном языке того времени присылка знамени с гонцом свидетельствовала об объявлении войны. Посланец при этом считался неприкосновенным. Знамя означало концентрацию силы и готовность к ведению военных действий. Так, в 1622 г., согласно разведывательным данным казачьих «проезжих станиц», «прислал аринский князец Татауш в Басагары и в Керекусы и в Верхние Мелесцы человека своего и знамя брацкое, потому подлинно де идут де воевать брацкие люди аринцев и кичинцев и басагар и керекусов и мелеских людей...» [21. Вып. 1. С. 13].

Знаменам приписывалась сверхъестественная сила, действовавшая во время сражения. Казаки, сидевшие в осаде Ачанском остроге в 1652–1653 гг., писали о покрывших стены крепости богдойских знаменах, вуалировавших хитрый маневр цинских воинов. Ерофей Хабаров по этому поводу писал: «А богдойские люди знаменами стену городовую укрывали...» [15. Т. 3. С. 365]. Одна из многочисленных церковных притч о подвижниках-казаках (которые были созданы после смерти Ермака и затем собраны С. Ремезовым) показывает подобное отношение к знаменам в коллективной памяти казаков. Согласно рассказу, в трудный момент казачье знамя с ликом спасителя поднялось из струга и само собой пошло впереди по левому берегу Тобола, увлекая за собой отряд. Поднявшееся ввысь знамя оградило ермаковцев от стрел противника и т.д. [22. С. 324]. Гораздо позднее, что указывает на незыблемость традиции, в воеводском наказе 1699 г. дворянину Федору Феофилову о следовании с военным отрядом к

Ямышу-озеру за солью говорилось о знамени как защите от умыслов «воинских людей» [18. Т. 5. С. 527]. Во время первого опыта организации и функционирования «сибирской засечной черты» в начале XVIII в., центром которой стало Царево-Городище, караульные отряды казаков совершали обход со знаменем [17. Т. 1. С. 146]. Следовательно, помимо прочих смысловых нагрузок, знамена и в начале XVIII столетия служили мощным оберегом в сознании служилого люда. Все приведенные выше документальные свидетельства убедительно показывают, что при исследовании жизнедеятельности казаков-первопроходцев в Сибири функционированию воинских знамен следует уделять должное внимание. В системе ценностей людей той эпохи символические знаки, к которым относятся воинские знамена, занимали очень высокое место. Они являлись теми маркерами, без которых невозможно формирование семиотического пространства, присущего человеческим сообществам [23. Т. 1. С. 11–12; 24. С. 23]. На примере документального материала конца XVI – начала XVIII в. были выделены ряд функций и значений, которые выстраивались в иерархию символов. Семиотические связи и смыслы, заключенные в воинских знаменах, в конечном счете помогали достичь слитности разнородных частей культуры далекого от нас времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арсеньев Ю.В.* О знаменах с геральдическими изображениями в русском войске XVII века. Смоленск: Губернская типография, 1911.
2. *Рабинович М.Г.* Древнерусские знамена (X–XV вв.) по изображениям на миниатюрах // Новое в археологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. С. 174.
3. *Вилинбахов Г.В.* Всадник русского герба // Труды Государственного Эрмитажа. Вып. 21. Л., 1981. С. 117–122.
4. *Вилинбахов Г.В.* Легенда о «Знамени Константину» в символике русских знамен XVII–XVIII вв. // Труды Государственного Эрмитажа. Вып. 23. Л., 1983. С. 26–41.
5. *Вилинбахов Г.В.* Русские знамена XVII в. с изображениями единого // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 47. Л., 1982. С. 22–24.
6. *Малов А.* Знамена полков нового строя. Символика креста // Цейхгауз. 1980. № 16. С. 2–7.
7. *Яковлев Л.П.* Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению. Доп. к 3 отд-нию. Русская старинная знамена. М.: Типография Александра Семена, 1865.
8. *Николаев Н.Г.* Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии: Великокняжеский и царский периоды. Т. 1. СПб.: Гл. интендант. упр., 1898.
9. *Висковатов А.В.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб.: Гл. интендант. упр., 1899.
10. *Опись Московской оружейной палаты.* Ч. 3, кн. 1. М.: Тип. Об-ва распространения полезных книг, 1884.
11. *Шулдяков В.* Знамя Ермака. Две тайны бесценной реликвии Сибирского казачьего войска // Тобольск и вся Сибирь. Кн. 10. Тобольск, 2008. С. 151.

12. *Биркенгоф А.Л.* Потомки землепроходцев. Воспоминания, очерки о русских поречанах низовьев и дельты р. Индигирки. М.: Наука, 1972.
13. *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. М.: Канон+, 1998.
14. *Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А.* Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII в. Абакан: Хакас. гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова, 1995.
15. *Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией.* СПб.: Типография II отделения собственной Е. И. В. Канцелярии, 1846.
16. *Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.:* сб. док. под ред. Я.П. Алькора и Б.Д. Грекова. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1936.
17. *Памятники сибирской истории XVIII в.* СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1882.
18. *Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею.* СПб.: Типография II отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1841.
19. *Александров В.А.* Материалы о народных движениях в Сибири в конце XVII века // Археографический ежегодник за 1961 год. М.: Наука, 1962.
20. *Элиаде М.* Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994.
21. *Сборник документов по истории Бурятии. XVII в.* / сост. Г.Н. Румянцев, С.Б. Окунь. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960.
22. *Ремезовская летопись* // Сибирские летописи / подгот. к изд. П.В. Павловым, Л.Н. Майковым. СПб.: Изд. Импер. археограф. комиссии, 1907.
23. *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: в 3 т. Таллин: Александра, 1992.
24. *Байбурин А.К.* Ритуал в системе знаковых средств культуры // Этнознаковые функции культуры. Л.: Наука, 1991.